

UDC/ЭОЖ/УДК 94"16/18"; 94(574)
CICSTI/FTAMP/MPHTI 03.09.31; 03.20.00

Niyaz-Muhammad Suleymanov and the Book Culture of Muslims of the Qazaq Steppe in the Early Twentieth Century

Pavel S. Shabley

*Candidate of History, Associate Professor, Kostanai Branch of Chelyabinsk State University, Kostanai, Qazaqstan. E-mail: pavel-shablei@list.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6182-751X>*

Keywords: book culture; reform; usul al-jadid; tafsir; hadith; fiqh; risalah; tasawwuf

Тірек сөздер: кітап мәдениеті; реформа; усул әл-жадид; тәпсір; хадис; фиқх; рисала; тасаууф

Ключевые слова: книжная культура; реформа; усул ал-джадид; тафсир; хадис; фикх; рисала; тасаввуф

In the territory of the Russian Empire in the 19th and early 20th centuries, printing in Oriental languages became widespread. Several printing houses financed by influential Muslim merchants opened in Troitsk, Orenburg, Ufa, Kazan, St. Petersburg, and Tashkent. The printed books using Arabic script reached the Qazaq Steppe. This was due not only to the efforts of the Qazaqs, who published their works in various printing houses, but also to the activities of the Tatars. The article deals with the activities of Niyaz-Muhammad Suleymanov, a Siberian Tatar who distributed Islamic books printed in Arabic script in the Qazaq Steppe. Suleymanov wrote many works on the reforming of Islamic education, the need to learn Russian, and reading *khutbah* in Tatar. Besides, he was the publisher of many books in Tatar, Qazaq and Arabic. Suleymanov owned several bookstores in Petropavlovsk and Omsk. The book trade allowed Suleymanov to find means for a variety of activities. He was a participant of All-Russian Muslim congresses, and an imam of the Second Cathedral Mosque of Omsk from 1907 to 1916. Suleymanov closely contacted with Tatar and Qazaq intellectuals of the period, e.g., with a Qazaq writer and public figure Zhanuzak Zhanybekov and a Tatar scholar and the editor of the "Shura" magazine, Rizaetdin Fakhreddinov. Niyaz-Muhammad Suleymanov's biography and the context of his activity allow us to study the specifics of the formation of the Islamic book culture in the Qazaq Steppe: the types of books that were favored, the areas of their distribution, how the content of these books influenced the social and political movement among Muslims, as well as the development of spiritual culture at large.

For citation: Shabley Pavel S. 2023. Niyaz-Muhammad Suleymanov and the Book Culture of Muslims of the Qazaq Steppe in the Early Twentieth Century. *Qazaq Historical Review*, 1 (2), 262–276 (in Russian).

Нияз-Мұхаммед Сүлейманов және XX ғасыр басындағы Қазақ даласы мұсылмандарының кітап мәдениеті

Павел С. Шаблей

тарих ғылымдарының кандидаты, доцент, Челябин мемлекеттік университетінің Қостанай филиалы, Қостанай, Қазақстан

Ресей империясының аумағында XIX–XX ғасырдың басында шығыс тілдерінде баспа ісі кең тарады. Троицк, Орынбор, Уфа, Қазан, Петербург, Ташкент қалаларында беделді мұсылман көпестері қаржыландырған бірқатар баспаханалар ашылды. Арабграфиялық кітап қазақ даласына да жол табады. Түрлі баспаханаларда шығармаларын басып шығарған қазақтардың ғана емес, татарлардың да әрекетінің арқасында. Мақалада Нияз-Мұхаммед Сүлеймановтың қазақ даласында араб графикасындағы мұсылман кітаптарының таралуына байланысты қызметі қарастырылған. Сүлейманов мұсылмандық білім беруді реформалау мәселелеріне, орыс тілін үйрену қажеттілігіне, татар тілінде хутба оқуға арналған көптеген еңбектер жазды. Сонымен қатар татар, қазақ, араб тілдерінде көптеген кітаптарды шығарушы болды. Бұл кісінің Петропавл, Омбы қалаларында бірнеше кітап дүкендері болған. Кітап саудасы Сүлеймановқа түрлі іс-шараларға қаражат табуға мүмкіндік берді. Бүкілресейлік мұсылман съездеріне қатысушы, 1907–1916 жылдары Омбы қаласындағы екінші соборлық мешіттің имамы болды. Сүлейманов татар және қазақ зиялыларымен тығыз байланыста болды. Мысалы, қазақ жазушысы және қоғам қайраткері Жанұзақ Жаныбеков пен татар ғалымы, «Шура» журналының редакторы Ризаетдин Фахреддинов сынды тұлғалармен. Нияз-Мұхаммед Сүлеймановтың өмірбаяны мен оның қызмет еткен жағдайлары қазақ даласы мұсылмандарының кітап мәдениетінің қалыптасу ерекшеліктерін зерттеуге мүмкіндік береді: қандай кітаптар танымал болды, қай аймақтарда тарады, мазмұны қандай болды. Бұл кітаптар мұсылмандар арасындағы қоғамдық-саяси қозғалысқа, жалпы рухани мәдениеттің дамуына әсер етті.

Сілтеме жасау үшін: Шаблей П.С. Нияз-Мұхаммед Сүлейманов және XX ғасыр басындағы Қазақ даласы мұсылмандарының кітап мәдениеті. *Qazaq Historical Review*. 2023. № 1 (2). 262–276-бб. (орысша).

Нияз-Мухаммад Сулейманов и книжная культура мусульман Казахской степи в начале XX века

Павел С. Шаблей

кандидат исторических наук, доцент, Костанайский филиал Челябинского государственного университета, Костанай, Казахстан

На территории Российской империи в XIX – начале XX веков широкое распространение получает книгопечатание на восточных языках. Ряд типографий, которые финансировались влиятельными мусульманскими купцами, открывается в Троицке, Оренбурге, Уфе, Казани, Санкт-Петербурге, Ташкенте. Арабографическая книга попадает и в Казахскую степь. Благодаря усилиям не только казахов, издававших свои работы в различных типографиях, но и деятельности татар. В статье рассматривается деятельность сибирского татарина Нияза-Мухаммада Сулейманова, связанная с распространением мусульманской арабографической книги в Казахской степи. Сулейманов написал много работ посвященных проблемам реформирования мусульманского образования, необходимости изучения русского языка, чтению хутбы на татарском языке. Кроме этого, он был издателем многих книг на татарском, казахском и арабском языках. Этот человек владел несколькими книжными магазинами в Петропавловске и Омске. Книжная торговля позволяла Сулейманову находить средства для разнообразной активности. Он был участником Всероссийских мусульманских съездов, имамом второй соборной мечети города Омска в период с 1907 по 1916 годы. Сулейманов поддерживал тесные контакты с татарскими и казахскими интеллектуалами. Например, с такими как казахский писатель и общественный деятель Жанузак Жаныбеков и татарский ученый и редактор журнала «Шура» Ризаэтдин Фахреддинов. Биография Нияза-Мухаммада Сулейманова и контекст, в котором он действовал, позволяют нам изучать особенности формирования книжной культуры мусульман Казахской степи: какие книги пользовались популярностью, в каких регионах они были распространены, каким образом содержание этих книг оказывало влияние на социальное и политическое движение среди мусульман, а также развитие духовной культуры в целом.

Для цитирования: Шаблей П.С. Нияз-Мухаммад Сулейманов и книжная культура мусульман Казахской степи в начале XX века. *Qazaq Historical Review*. 2023. № 1 (2). С. 262–276.

Введение

В XIX – начале XX веков на территории Российской империи активно развивается мусульманское книгопечатание. Типографии, выпускавшие литературу на арабском, персидском и тюркских языках, работали в Казани, Уфе, Оренбурге, Троицке, Ташкенте и др. городах [Каримуллин 1983; Катанов 2004; Шалгынбай, Галиев 2009; Данилов 2008: 127–146]. Значительная часть книг распространялась в виде рукописей, литографий [Бустанов 2013; Щеглова 2011]. Казахская степь, представлявшая собой сложную контактную зону, в которой взаимодействовали представители разных этнических и социальных групп: кочевые и оседлые казахи, сарты, татары, башкиры, русские крестьяне-переселенцы, казаки, купцы, мещане и др., была активным потребителем мусульманской книжной продукции. Широкое распространение мусульманской арабографической книги позволяет говорить о том, что регионы империи, населенные кочевыми и оседлыми казахами, не были культурной периферией исламского мира. Они были частью глобального исламского сетевого сообщества, в пределах которого происходила популяризация идей реформ, осуществлялись дискуссии по проблемам шариата, увеличивался авторитет отдельных мусульманских ученых (*'алим*) и связанных с их деятельностью медресе. С другой стороны, важен не только процесс передачи знаний и коммуникаций в исламских сообществах, но и контекст в которых они жили. Иначе говоря, имперский контекст. Имперские реформы начала XX века либерализовали курс правительства по отношению к исламу. Появляется национальная печать, учреждаются благотворительные общества, тем самым открываются широкие возможности для тесной кооперации между частным капиталом и мусульманской книжной продукцией. Неудивительно поэтому, что среди представителей местных национальных элит появляются деятели, которые используют книжное дело для реализации широкого ряда целей и задач современности.

Fig. 1. Niyaz-Mukhammad Suleymanov [Makhmudov 1917: 69]
1-сур. Нияз-Мұхамед Сүлейманов [Мәхмұдов 1917: 69]
Рис. 1. Нияз-Мухаммад Сулейманов [Мәхмұдов 1917: 69]

В этой статье речь пойдет о сибирском татарине Ниязе-Мухаммаде Сулейманове (рис. 1), который внес большой вклад в формирование книжной культуры мусульман Казахской степи. Наряду с обширной книгоиздательской деятельностью, он активно занимался книжной торговлей – имел книжные магазины в Петропавловске и Омске. Нияз-Мухаммад Сулейманов был автором многих книг и статей. Судя по всему, у него была собственная обширная библиотека, следы которой были обнаружены в ходе нашей работы с книжным собранием Фонда редких книг, рукописей и национальной литературы Центральной научной библиотеки РГП «Ғылым ордасы» Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (ЦНБ).

Биография интеллектуала

Нияз-Мухаммад Сулейманов был родом из деревни Утуз Тарского уезда Тобольской губернии. В 1880–1882 годы он обучался в городе Таре в медресе Наджмэтдина хазрата. Затем отправился в Петропавловск, где стал шакирдом Рахматуллаха Янгуразова (в 1884–1887 гг.) [Мәхмұдов 1917: 69–70]. Это был известный ученый, перу которого принадлежит более тридцати сочинений (*рисала*), в том числе богословские труды, работа по положению мусульман Сибири и др. [Бустанов 2013: 24–39; Фәхреддин 2010: 140]. Несмотря на то, что библиотека петропавловского медресе имела определенное число научных и образовательных книг, газет и словарей, Сулейманов подвергал резкой критике местные методы обучения. Называл их схоластическими [Сөләйманов 1906: 4]. В 1892 году, завершив образовательный курс в медресе, он поступил в местное городское училища, по окончании которого выдержал экзамен на знание русского языка [Мәхмұдов 1917: 69]. Есть также сведения, что в конце XIX – начале XX веков Нияз-Мухаммад Сулейманов использовал новый метод (*усул ал-джадид*) для обучения детей, вероятно, у себя на дому. Преподавал русский язык, обучал истории, географии и арифметике [Сөләйманов 1906: 5]. Такое обучение, очевидно, не было как-то официально оформлено, так как первое новометодное учебное заведение (получившее разрешение со стороны властей) – школа (*мактаб*) Хасана Пономарева – появляется в Петропавловске только в 1906 году [ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 4059 (б). Л. 18–19]. Стремление к знанию и просвещению народа, опора на современные достижения науки и технического прогресса, высокая интеллектуальная культура и связи с крупными религиозными авторитетами своего времени

сделали Нияза-Мухаммада Сулейманова одним из крупнейших религиозных и общественных деятелей конца XIX – начала XX веков. Его приглашали быть имамом не только в Касимов, Челябинск и Омск, но также и в Санкт-Петербург. Однако Сулейманов не стал покидать Сибирь и отдал свои предпочтения Омску, в котором был имамом второй соборной мечети (некоторое время был имамом обеих мусульманских общин города) с 1907 года и вплоть до своей смерти в 1916 году [Мэхмүдов 1917: 69–70].

Публицистическая деятельность

Нияз-Мухаммад Сулейманов оставил богатое интеллектуальное наследие. Множество книг и статей, которые он публиковал на страницах таких известных газет как «Терджуман» («Переводчик»), «Ульфат» («Единство»), «Вақыт» («Время»), «Казан Мохбире» («Казанский вестник») и др.¹ В своих работах Сулейманов выступал сторонником реформы мусульманского образования согласно новому методу, обосновывал необходимость изучения русского языка, выступал за чтение хутбы на тюркском/татарском языке [Сөлэйманов 1907 (II): 9; Сөлэйманов 1911: 5–6, 16–17]. В ходе археографических поездок нам удалось обнаружить несколько книг Сулейманова далеко за пределами Омска и Петропавловска – в Каркаралинске (Центральный Казахстан) и Алматы (Южный Казахстан). Примечательно при этом то обстоятельство, что в Каркаралинске его книга «Мэктуплэрым», изданная в 1907 году в Оренбурге, сохранилась в собрании казахской мечети (построена в 1851 году) Кунанбая Оскенбаева (рис. 2). Эта работа Сулейманова представляет собой сборник статей, опубликованных в прогрессивных татарских газетах. Книга поднимает ряд актуальных вопросов: обсуждение манифеста 17 октября 1905 года и организация петиционного движения среди мусульман, реформирование системы мусульманского образования, необходимость обучения русскому языку и др. [Сөлэйманов 1907 (I)]. Таким образом, подобного рода литература не только информировала население отдаленных регионов империи о реформах, но и актуализировала, координировала, направляла усилия мусульман к достижению общих целей. При этом татарский фактор мог быть одним из импульсов для мобилизации такого рода движения среди кочевых обществ Казахской степи.

Книгоиздательство

Нияз-Мухаммад Сулейманов не только писал книги, но и активно занимался книгоиздательской деятельностью. Хотя мусульманское книгопечатание в начале XX века приобрело широкий размах, а тиражи отдельных изданий составляли несколько тысяч экземпляров, появление на свет той или иной книги главным образом зависело от участия частного капитала и государственной цензуры. Особый интерес цензоры проявляли к работам современных национальных деятелей, обсуждавших актуальные проблемы современности. Так, в 1907 году татарский купец из Акмолинска Нурмухаммад Забириев выделил средства на первое издание книги казахского писателя и общественно-политического деятеля Мыржақыпа Дулатова «Оян, қазақ!» («Проснись, казах!») [Галиев 2011: 350–385; Мәңгәр 1997: 137–138]. В этой работе, по мнению властей, таилась большая угроза – разжигание среди казахов недовольства политикой Российской империи и распространение идей панисламизма [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 6003. Л. 1об., 7об.]. В 1911 году Дулатов был арестован, а ту часть тиража, которую еще не успели реализовать, уничтожили [Галиев 2011: 394–397]. Нечто подобное произошло и в истории, к которой имел отношение Нияз-Мухаммад Сулейманов. В 1908 году в Казани им была издана книга казахского писателя и будущего деятеля партии «Алаш» Жанузака Жаныбекова «Айна» («Зеркало») [Жәнібеков 1908]. Появление этой работы, в которой выражалось недовольство по поводу имперской политики в Казахской степи (критике была подвергнута крестьянская колонизация,

¹ Небольшая подборка этих статей опубликована в его книге «Мэктуплэрым» («Мои письма») [Сөлэйманов 1907 (I)].

деятельность миссионеров и др.), вызвало возмущение имперских чиновников (рис. 3). Ее тираж был изъят [ГАРП. Ф. 420. Оп. 1. Д. 107. Л. 88–89].

Спустя некоторое время, в 1909 году, Нияз-Мухаммад Сулейманов издает еще одну казахскую книжку «Садық эфенди». Работа выходит в Санкт-Петербурге в типографии Габдельрашида Ибрагимова – известного исламского ученого, главного редактора газеты «Ульфат» [Садық эфенди 1909]. В отличие от работы Жаныбекова, на эту книгу не были наложены цензурные ограничения. Однако это не говорит о том, что работа игнорировала актуальные проблемы современности и имперский контекст как таковой. Издательский интерес, возможно, был обусловлен тем, что книга становилась своеобразным откровением, иллюстрировавшим духовные проблемы казахского общества. Так, в работе обсуждается вопрос о культурной и образовательной отсталости казахов. Например, критика патриархально-родового строя, который не способствует развитию свободы мысли – многие решения не принимаются без разрешения старших (дедушек и бабушек). Другой момент – это разногласия между муллой Садыком эфенди и казахским баем Тезекбаем. Мулла отказывается от дальнейшего обучения ребенка бая, так как тот не осознает пользы от просвещения и науки. Одновременно с этим в книге демонстрируется прогрессивная роль татарских мулл, а также Казани и Троицка в просвещении казахов [Садық эфенди 1909: 3–5]. Таким образом, издание подобного рода литературы должно было стать своеобразным критическим мериллом для обсуждения необходимости реформ местных обществ. При этом демонстрация культуртрегерской роли татар не обязательно говорит о том, что это было характерно для большинства казахских источников. В некоторых текстах идея культурного превосходства татар не принимается в качестве безусловной. Между татарами и казахами, наоборот, развора-

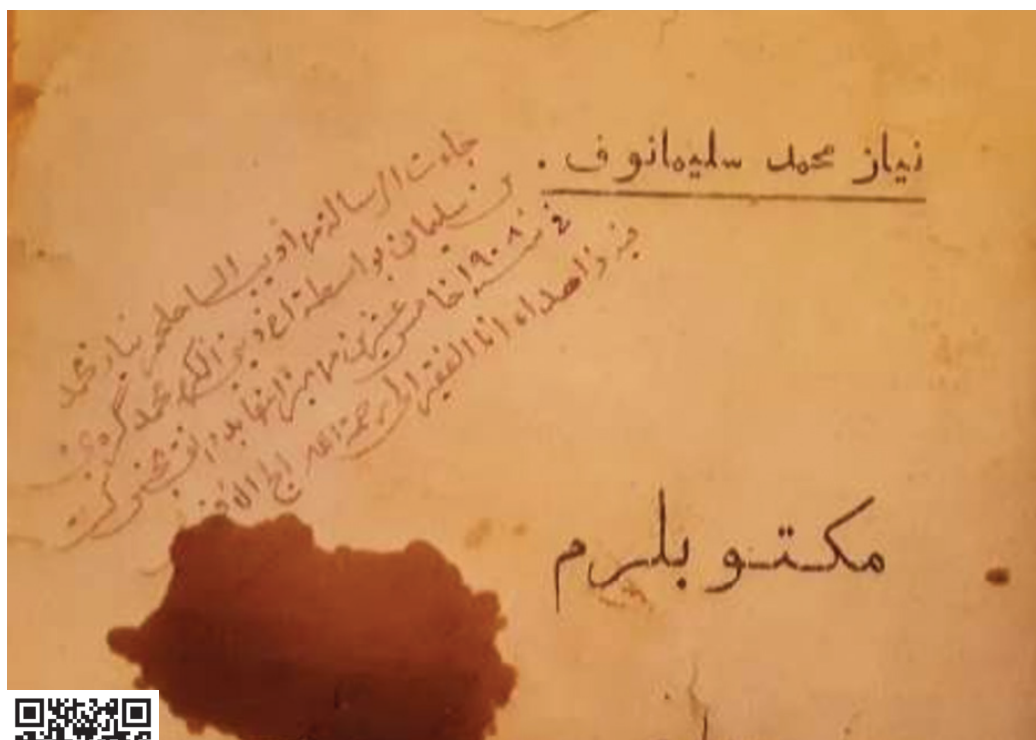

Fig. 2. Fragment of the title page of the book by Niyaz-Muhammad Suleymanov [Solajmanov 1907 (I)]
2-сур. Нияз-Мухамед Сүлейманов кітабының титулдық бетінің фрагменті [Сөләйманов 1907 (I)]
Рис. 2. Фрагмент титульного листа книги Нияза-Мухаммада Сулейманова [Сөләйманов 1907 (I)]

чивается противостояние за обладание ресурсами власти и доминирования в местных степных сообществах [Ақан сері Қорамсаұлы 2014: 97–99].

Сулейманова интересовали не только работы, связанные с актуальными проблемами современности. Он обращался и к образцам народной литературы. Например, издал казахские пословицы и загадки [Жұмбақ вә мәкәллере 1908]. Публикация разных по жанру и содержанию казахских произведений, конечно, не говорит нам о том, что Сулейманов был противником колониальной политики Российской империи. Например, в его статьях 1905 года мы находим совсем другие посылы – восторженные отзывы о манифесте 17 октября 1905 года и призыв к мусульманам воспользоваться этим манифестом для расширения своих гражданских и религиозных прав [Сәләйманов 1905: 4]. Очевидно, что подобного рода литература, как и издание акмолинским купцом Забириным книги «Оян, қазақ!», должна была способствовать трансформации сознания мусульман – убежденность в необходимости перемен в общественной, политической и религиозной жизни, сплоченность интересов и консолидация усилий разных этносоциальных групп. Однако Сулейманов, как мы успели заметить, издавал разную по жанру и тематике литературу. Проявлялась ли в этом симпатия по отношению к казахской культуре в целом или давали о себе знать какие-то

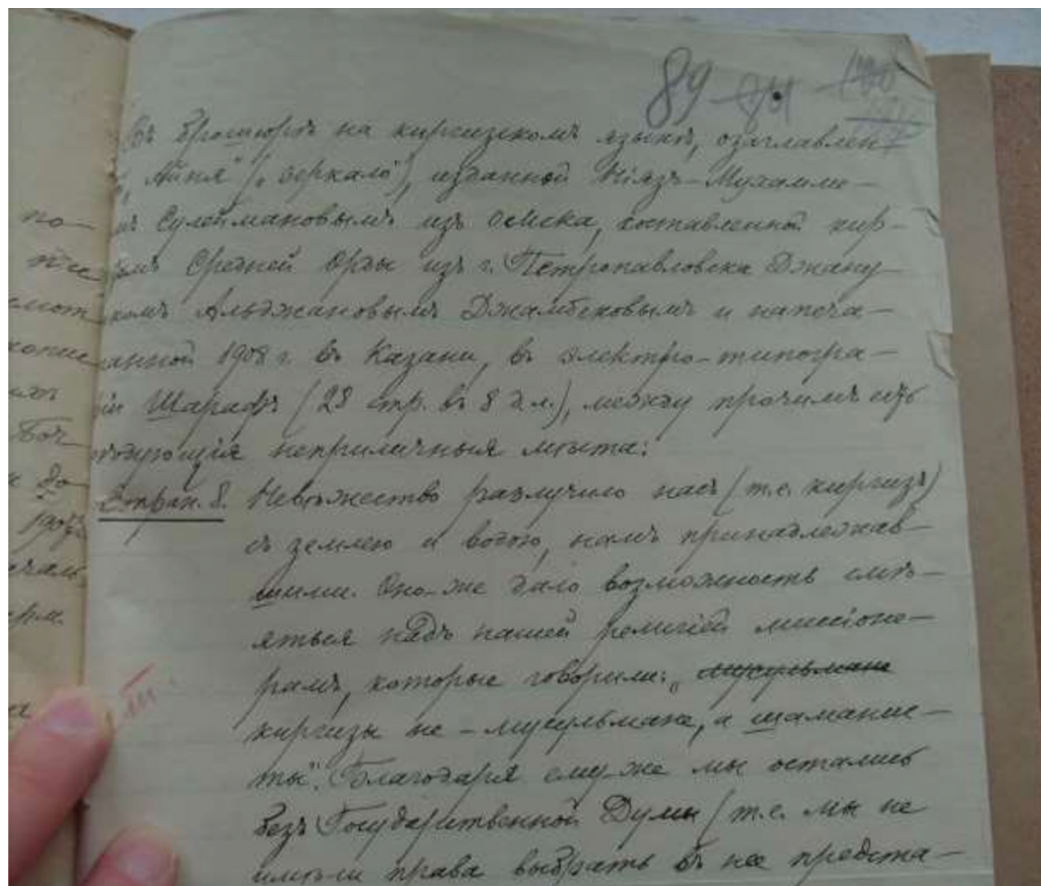

Fig. 3. Remarks of the censor Nikolai Katanov on Zhanuzak Zhanybekov's book «Aina» [The State Archive of the Republic of Tatarstan, holding 420, register 1, file 107, page 89]

3-сур. Жанұзақ Жәнібековтің «Айна» кітабына цензор Николай Катановтың ескертпелері [ТРММ. 420-қ. 1-т. 107-іс. 89-б.]

Рис. 3. Замечания цензора Николая Катанова на книгу Жанузака Жаныбекова «Айна» [ГАРТ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 107. Л. 89]

субъективные расчеты? Здесь следует говорить о тех локальных реалиях, в которых жил Нияз-Мухаммад Сулейманов. В 1907 году он становится имамом второй соборной мечети Омска. Отношения между местными группами мусульман не характеризовались стабильностью. В Омске происходил многолетний конфликт между местными казахами и татарами. Казахи хотели записать вторую соборную мечеть в свою махаллю, а татары были против этого. Сулейманов пытался примерить противоборствующие стороны и занимал нейтральную позицию. Издание казахской литературы, по нашему мнению, наряду с татарской, было для него очевидным ресурсом в деле укрепления собственного авторитета. Он стремился добиться расположения у каждой из конфликтующих сторон – казахов и татар [Омскидагы ихтиләфнең сәбәпләре 1913: 3]. И, действительно, со временем ему удалось немного урегулировать обстановку. Сулейманов смог заручиться поддержкой со стороны некоторых влиятельных казахов и стать имамом обоих мусульманских общин города [Омскида мәгънәсез ихтиләф 1913: 5].

Издательская деятельность Нияза-Мухаммада Сулейманова имела и другую более фундаментальную направленность. Так, он стремился приобщить мусульман Российской империи к мировому исламскому научному наследию. В 1907 году он издал татарский перевод книги известного египетского ученого Мухаммада Айяда Тантави *Әт-таж әл-мурассаг би җәвахири Көрһан вә голум* [Тантави 1907]. Этот перевод, выполненный известным татарским ученым, главным редактором газеты «Тормыш» Закиром Кадыри [Тюркоглу 2019: 103], был активно разрекламирован газетой «Вақыт» [Ике әсәрләре 1907: 2–3]. Ценность работы шейха Тантави, который некоторое время преподавал в Санкт-петербургском университете [Крачковский 1958: 259–299], заключалась в том, что в ней рассматривалось место ислама в системе разных наук, имелось описание научных данных, содержащихся в Коране. Редакция «Вақыт» рекомендовала книгу Тантави в качестве основного научного пособия в медресе уровня *рушдия* (среднее отделение) [Ике әсәрләре 1907: 2–3]. Кроме этого, Сулейманов издал еще несколько книг на арабском и татарском языках. Среди них был *таджвид* или правила чтения Корана [Сөләйманов 1907 (I): 25].

Книжная торговля

Издание книг требовало значительных финансовых вложений. Одним из источников таких вложений была книжная торговля. В Петропавловске, а затем и в Омске Нияз-Мухаммад Сулейманов открыл собственные книжные магазины. Такого рода предприятие не было простым делом. Прежде всего требовалось официальное разрешение властей: уездного начальника, местного губернатора. Как правило, прежде чем принять окончательное решение власти делали запрос в жандармское управление на предмет выяснения политической благонадежности книготорговца. Часто книжные магазины появлялись вблизи мечетей и медресе и были учреждены самими имамами. Потребность в открытии этого объекта торговли сводилась к простому объяснению: иметь для мусульманской школы необходимые учебные пособия [ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 4485. Л. 184]. Учитывая, что государство вносило незначительный вклад в финансирование мусульманского образования, и его положение в основном зависело от частных и благотворительных пожертвований, контроль над ассортиментом книжной продукции не носил системного характера. Так, например, в книжном магазине имама второй соборной мечети города Акмолинска Худжата Махмудова продавались не только учебники, но и работа Мыржакыпа Дулатова «Оян, қазақ!». Только донос со стороны недоброжелателей Махмудова заставил власти обратить внимание на это обстоятельство – изъять книгу из обращения, а имама второй соборной мечети подвергнуть административной ссылке [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 6003. Л. 1об., 7об.].

В Петропавловске, судя по источникам, книжная торговля, да и само книжное дело, процветали в начале XX века. В городе было девять мечетей и несколько мусульманских учебных заведений: мектебов и медресе. Мусульманское население в 1901 году составляло 8950 человек [ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 3696. Л. 51. 38]. Многие имамы, купцы и другие местные интеллектуалы имели собственные домашние библиотеки.² С точки зрения развития книжного рынка, большой известностью пользовалась книжная лавка петропавловского мещанина Хасана Абдрашитова [ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 3639. Л. 51.]. Свой бизнес в Петропавловске хотели развернуть и казанские предприниматели. Так, в архиве сохранилось прошение казанского мещанина Абдулвалеева Ахмадуллина об открытии собственного книжного магазина. Однако ему в этой просьбе было отказано [ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 4485. Л. 292.]. Хотя политическая благонадежность Ахмадуллина не вызывала каких-то опасений, решающую роль, по всей видимости, сыграли другие факторы – обычная перестраховка, связанная с необходимостью ограничить поток литературы, которая может содержать какие-то панисламистские коннотации [ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 780. Л. 1842].

В книжном магазине Сулейманова покупателю предлагался широкий ассортимент продукции: от канцелярских товаров, географических карт и прописей до разных сочинений и книг на арабском, персидском и тюркском языках. Кроме этого, в наличии были работы по фикху, тасаввуфу, хадисы, правилам поведения [Сәләйманов 1907 (I): 26]. Археографические изыскания позволяют нам разобраться с особенностями книжной торговли Нияза-Мухаммада Сулейманова: определить название и содержание отдельных книжных изданий, а также места их возможного распространения. В Казахской степи популярностью пользовались книги по тюркской и татарской истории. Среди них: «История Казани. Собрание русских и татарских летописей, составленное Карлом Фуксом» [Казан тарихи 1908], «Развалины Булгара и древние болгары». Перевод с английского Назипа Халфина [Болгар хәраблары һәм борынгы болгарлар 1908], «История Булгар» (краткие извлечения из трудов Марджани и других работ) [Тарихи Болгар. 1907] (рис. 4). Эти работы с печатью – книжная торговля Нияз-Мухаммеда Сулейманова – были обнаружены нами в Фонде редких книг, рукописей и национальной литературы ЦНБ в Алматы. Почему данная литература пользовалась популярностью? Труд Карла Фукса и перевод Назипа Халфина книги английского историка Эдуарда Тоэрнли представляли собой одни из первых европейских изданий по истории татар и болгар. Их распространение среди мусульман должно было отразить перспективу осмысления собственной истории через призму разных источников и одновременно с этим сформировать представление о так называемом критическом методе или научном подходе к освещению исторических событий. С другой стороны, популяризация болгарского наследия и исторического прошлого татарского народа укрепляло убежденность мусульман в том, что они живут в конфессиональном государстве, которое проявляет веротерпимость по отношению к исламу.³ В этом отношении казахи, исключенные в 1868 году из юрисдикции Оренбургского магометанского духовного собрания, стремились уравнивать свое положение с татарами. В конце XIX – начале XX веков они подавали много петиций в высшие правительственные инстанции империи с просьбой отменить основные положения реформы 1868 года [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 602. Л. 172; Оп. 10. Д. 29. Л. 286(б)–287(а)].

² В ходе археографических изысканий нам удалось обнаружить книги из личных библиотек имама второй мечети Габдельвагапа Яушева, имама третьей мечети Мухаммеджана Бегишева, его сына Абдрахмана, купца Хамзы Тюменова и др.

³ Так, татары называли Екатерину II Бабушкой-царицей (Әби патша). Этот неофициальный комплементарный титул был дан ей за разрешение строить мечети, проявление веротерпимости и создание Оренбургского магометанского духовного собрания в 1788 году [Амирханов 2010: 97].

Книжная торговля Нияза-Мухаммада Сулейманова охватывала разные регионы Казахской степи. На территории современной Карагандинской области в собрании каркаралинской мечети нами была сделана интересная находка – фрагмент обложки книги, в нижней части которой содержится *муаллак* (один из основных источников ранней арабской поэзии), принадлежащий перу арабского поэта доисламского периода Имру ал-Кайсы б. Худжр б. ал-Хариса ал-Кинди. Возможно, что речь идет о каком-то поэтическом сборнике, или, что наиболее вероятно, о книге, описывающей нормы поведения и этикета, эпиграфом к которой и были выбраны соответствующие стихи.⁴ Причем на ее обороте содержатся интересные рукописные заметки – *Кыссэ-и уаки'а-и Кербеля*, то есть название казахской книжки про имама Хусейна, погибшего при Кербеле [Кыссэ-и уаки'а-и Кербеля ошбу дар 1898]. Вполне возможно, что эта рукописная запись не имеет никакого отношения к книге, которую продавал Нияз-Мухаммад Сулейманов. Однако тот факт, что фрагмент обложки книги, содержащей фрагменты доисламской поэзии, был использован в качестве черновика для казахской повести по шиитской истории, заслуживает внимания. Это говорит нам о том, что книги, охватывающие разный спектр арабской культуры и напрямую не связанные с региональной мусульманской традицией, все же носили больше просветительские функции и органично вписывались в каноны мусульманской книжной культуры Казахской степи.

Личная библиотека

Теперь обратимся к несколько иному ракурсу исследования – изучению личных библиотек мусульманских интеллектуалов. Ассортимент книжных коллекций, их содержание позволяют прояснить особенности формирования мировоззрения личности, ее ценности. Иначе говоря, те убеждения, предпочтения и нормы, которые могли выходить за пределы публичной сферы – не отражаться на страницах газет и журналов, в повестках общественных и политических собраний, в петициях, адресованных имперскому государству и пр. В перспективе изучение более или менее полных книжных собраний, принадлежавших тому или иному лицу, позволит разобраться с рамками и ограничениями, которые исследователи возводят вокруг определенной интеллектуальной традиции. Например, противоречия между джадидизмом и кадимизмом. В этом отношении изучение личной библиотеки Нияза-Мухаммада Сулейманова пока еще носит предварительный характер. Из числа книг, принадлежавших имаму второй соборной мечети Омска, было обнаружено только две. Первая – это известное произведение кадия Оренбургского магометанского духовного собрания, редактора журнала «Шура» Ризаэтдина Фахреддинова «Асар» (том 1) [Фэхретдин 1900] (рис. 5). Вторая называется «Танзыймат». Она была составлена Ризаэтдином Фахреддиновым и представляет собой сборник правил, циркуляров и постановлений, которыми должны были руководствоваться мусульманские духовные лица в своей деятельности [Фэхретдин 1898]. Судя по печатям на титульном листе обе книги после смерти Нияза-Мухаммада Сулейманова перешли к Мухаммеджану Бегишеву – имаму третьей мечети города Петропавловска. Бегишев был известным сторонником реформаторских идей. Ввел новый метод обучения в своем медресе [Баруди 2004: 92–93]. Конечно, состав книжного собрания (довольно скромный) Сулейманова не вызывает у нас удивления. Труд Фахреддинова «Асар» был широко распространен среди мусульман Российской империи. Его читали не только реформаторы, но и обычные мусульмане. Например, в Костаное сохранилась библиотека Гарифа Шакирова, одного из основателей театральной

⁴ Я благодарю Динару Марданову за перевод этого *муаллака*, и помощь в установление его авторства. Так, существует предположение, что автором этого *муаллака* является не Имру ал-Кайса, как указано на обложке книги, а другой арабский поэт, который в последующем принял ислам – Лабид б. Раба (ок. 560–661).

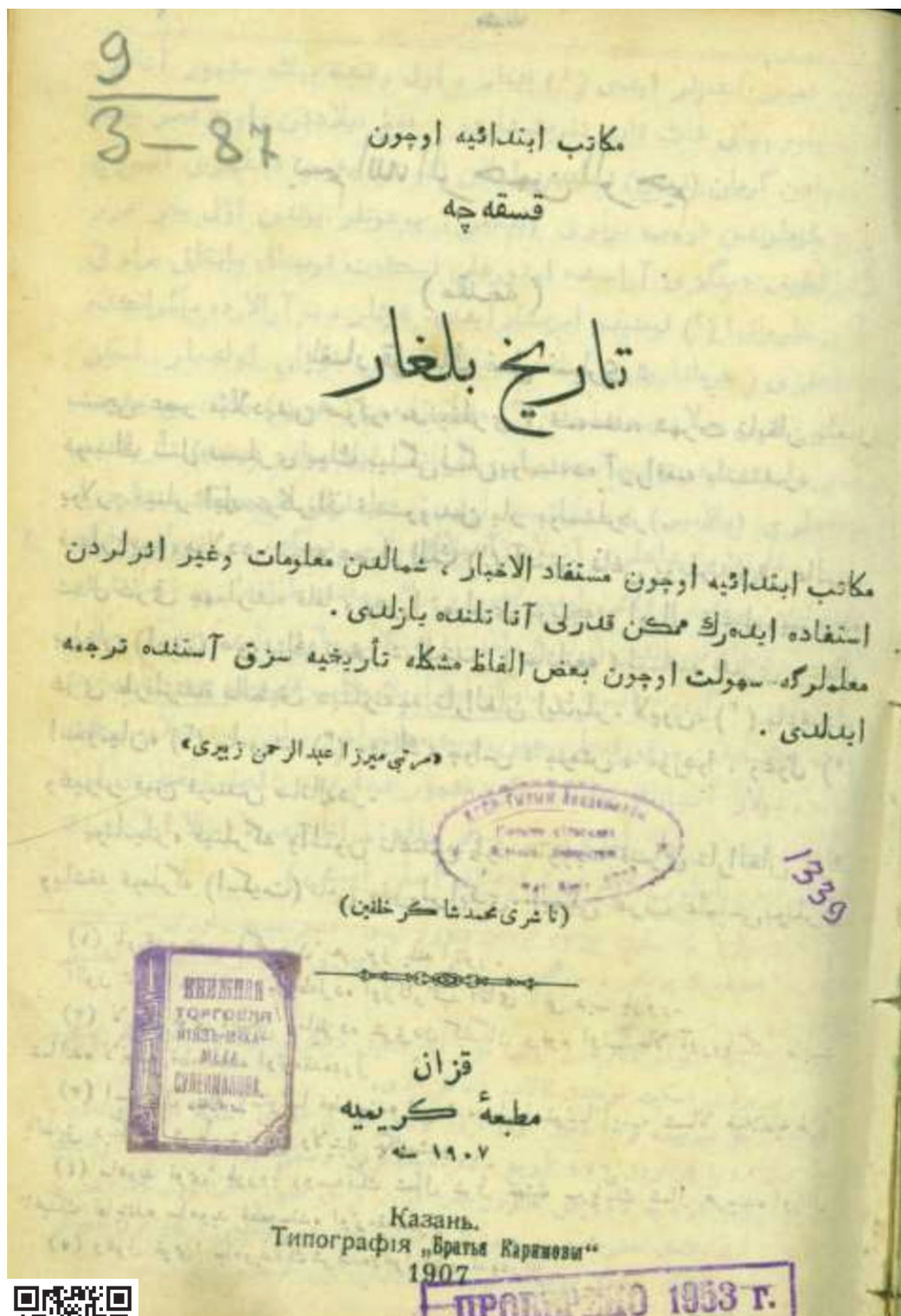

Fig. 4. Tarihi Bolgar (The History of Bolghar)
4-сур. Тарихи Болгар
Рис. 4. Тарихи Болгар

татарской труппы города. Кроме «Асара» Шакиров читал и ряд других работ Фахреддинова, посвященных известным историческим деятелям мусульманского мира.⁵ В отличие от «Асара» «Танзыймат» определял более узкий читательский спрос, так как представлял собой набор служебных документов. С другой стороны, остается открытым вопрос о том, насколько правила и циркуляры, подготовленные к изданию Фахреддиновым и призванные адаптировать шариат к имперскому законодательству, соответствовали принципам и убеждениям духовного лица. Такого рода документы не всегда отражали жизненные реалии и разнообразие шариата, и поэтому могли играть лишь формальную роль в осуществлении правового регулирования на месте.⁶ Все это очень логично. Тем не менее, могут быть и другие объяснения специфики формирования книжных коллекций. Например, характер личных связей и отношений, особенности исламского дискурса, вакуфные пожертвования и др. Эти факторы, конечно, не всегда связаны с идейными соображениями индивидов. Почему книги Сулейманова достались после его смерти Мухаммеджану Бегишеву? Возможно они были друзьями. Но еще более логичным становится такое объяснение: Мухаммеджан Бегишев был родным братом Габдельгазиза Бегишева (ум. в 1910 году) – того самого человека, который стал учителем Нияза-Мухаммада Сулейманова после смерти Рахматуллаха Янгуразова [Мэхмүдов 1917: 69]. Интерес вызывает и тот факт, что Габдельгазиз в отличие от своего брата так и не ввел новый метод обучения в своем медресе.⁷ Другой нюанс – это характер отношений между Фахреддиновым и Сулеймановым. Имам второй соборной мечети Омска был одним из информаторов Фахреддинова в ходе его работы над биографическим сводом «Асар». Сулейманов присылал ему биографические сведения о сибирских улемах [Фэхреддин 2010: 143]. Таким образом, раскрытие таких специфических деталей открывает более приватное и менее официальное понимание путей формирования личных библиотек, которые далеко не всегда были обусловлены какими-то идейно-политическими предпочтениями владельцев книжных коллекций.

Заключение

Многогранная деятельность Нияза-Мухаммада Сулейманова – это лишь один из примеров того, какой вклад отдельные личности вносили в формирование книжной культуры мусульман Казахской степи. Конечно, он не был каким-то исключением, так как книжная торговля и вложение собственных средств в издание работ на арабском, персидском и тюркских языках приобретали широкий размах в начале XX века. Часто это было связано с необходимостью продвигать идеи реформ в отдаленных регионах империи, способствовать культурному и национальному развитию мусульманских обществ, активизировать политическое и общественное движение. Случай Сулейманова примечателен еще и тем, что в своей деятельности он стремился примирить разные конфликтующие стороны, сбалансировать отношения между татарами и казахами. Возможно, именно поэтому им издавались работы как на родном для себя татарском, так и на казахском языках. С другой стороны, примечателен и ассортимент книжных изданий. Не только работы по истории, актуальным проблемам современности, но и специфические труды по богословию и исламским наукам. Тем самым, жизнь мусульманского интеллектуала каким был Нияз-Мухаммад Сулейманов не была ограничена однообразными или исключительными приоритетами, а наоборот

⁵ Эту библиотеку мне показал внук Гарифа Шакирова Денис Анатольевич Качеев.

⁶ Например, ахун Хабибрахман Масагутов в 1915 году опубликовал в газете «Юлдуз», выходившей в Казани, жесткую критику циркуляров Оренбургского магометанского духовного собрания [Гариф 2004: 163–165].

⁷ Так, журнал «Дин вэ мэгийшэт» («Религия и жизнь»), издававшийся в Оренбурге, писал в 1911 году, что имам шестой мечети не был против введения нового метода обучения. Проблема заключалась в другом – Бегишев опасался различных брожений и смут среди студентов, поэтому и принял решение не вводить *усул ал-джадид* [Дин вэ мэгийшэт 1911: 126].

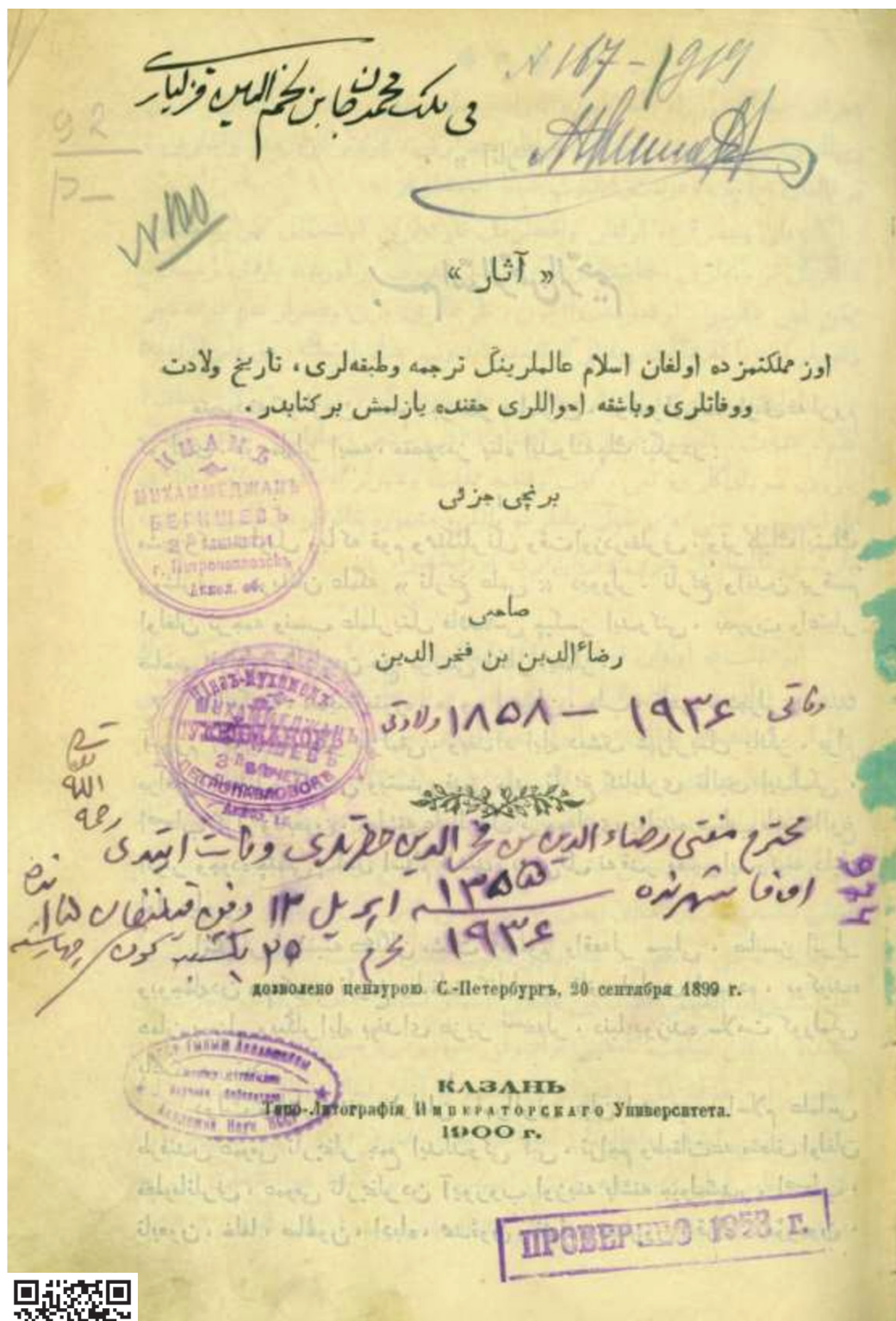

Fig. 5. Rizaetdin Fakhreddin. Asar
5-сур. Ризаэтдин Фахреддин. Асар
Рис. 5. Ризаэтдин Фахреддин. Асар

ориентировалась на широкий круг культурных и социально-политических потребностей общества в котором он жил. С этой точки зрения содержание понятия книжная культура, осмысливается нами в виде мозаично-плюралистического отношение к миру [Кривич, Чукуров 2016]. Здесь нет четко выраженного противопоставления между главным и второстепенным. Именно поэтому ассортимент книжной торговли и сам характер книгоиздательской деятельности Сүлейманова зависели не только от особенностей развития книжного рынка как такового, но и специфики локального культурного досуга, а также субъективных представлений личности об актуальности тех или иных изданий в данное время и в конкретном обществе.

Библиография

- Ақан сері Қорамсаұлы. Көкшетауда Науан молда мен Хамидолла ноғай молдасы бақас болғанда, Хамидоллаға Ақан серінің айтқаны* // Ақан сері Қорамсаұлы, Үкілі Ыбырай Сандыбайұлы, Балұан Шолақ Баймырзаұлы. Шығармалары. Алматы: Нұрлы Press.kz, 2014. 97–99-б.
- Амирханов Х. Таварих-е Булгарийа (Булгарские хроники). Пер. со старотат., вступ. ст. и коммент. А.М. Ахунова. Москва: Издательский дом Марджани, 2010.*
- Баруди Г. Кызылъяр сәфәре. Казан: Иман, 2004.*
- Болгар хараблары һәм борынғы болгарлар. Казань, 1908 // Центральная научная библиотека РГП «Ғылым ордасы». Фонд редких книг, рукописей и национальной литературы. Инв. ном. 1338.
- Бустанов А.К. Книжная культура сибирских мусульман. Москва: Издательский дом Марджани, 2013.*
- Галиев В.З. Книга, разбудившая народ: разыскания о Мыржакыпе Дулатове и о его сборнике «Проснись, казах!». Алматы: Мектеп, 2011.*
- Гариф Н. (сост.). Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского магометанского духовного собрания. 1836–1903 годов). Казань: Иман, 2004.*
- Данилов В.Л. Из истории издания и распространения мусульманской книги в России* // Вестник Омского университета. 2008. № 3. С. 127–146.
- Дин вә мәғыйшәт. 1911. № 8. 126-б.*
- Жәнібеков Ж. Айна. Казань: Шараф, 1908.*
- Жұмбақ вә мәкәллере. Казань, 1908.*
- Ике әсәрләре* // Вақыт. 1907. № 204. 2–3-б.
- Казан тарихи. Казань, 1908* // Центральная научная библиотека РГП «Ғылым ордасы». Фонд редких книг, рукописей и национальной литературы. Инв. ном. 1337.
- Каримуллин А.Г. Татарская книга пореформенной России. Казань: Татарское книжное изд-во, 1983.*
- Катанов Н.Ф. Восточная библиография. Казань: Иман, 2004.*
- Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики* // Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. Том 5. Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1958.
- Кривич Н.А., Чукуров А.Ю. Книжная культура: вызовы современности* // Общество. Среда. Развитие. 2016. № 4. URL: https://terrahumana.ru/arhiv/16_04/16_04_18.pdf (дата обращения: 03.12.2021).
- Кыссә-и уақи'а-и Кербея ошбу дар. Казань, 1898.*
- Мәңгәр Ә. Хатирәләр һәм истәлекләр. Казан: Гасырлар авазы, 1997.*
- Мәхмүдов Хәжрәт әл-Хәким. Мәрхүм Нияз-Мөхәммәд әфенди Сөләйманов* // Мөшавәрәт календаре 1917 ел өчен. Казан, 1917. 69–71-б.
- Омскида мәғнәсез ихтиләф* // Кояш. 1913. № 103. 5-б.
- Омскидагы ихтиләфнең сәбәпләре* // Сибиря. 1913. № 136. 3-б.
- Садық әфенди. Санкт-Петербург, 1909.*

- Сөләйманов Н.М. Унжиденче октябрь манифест галиясы мәнәсибәтелә вә мәғрифчи яшьләре [хатабым] // Казан мөхбире. 1905. № 16. 4-б.
- Сөләйманов Н.М. Кичмеш иллә хәзер // Өлфәт. 1906. № 9. 4-б.
- Сөләйманов Н.М. Мәктүбләрем. Оренбург, 1907 (I).
- Сөләйманов Н.М. Шәрки рус мәктүбләре. Оренбург, 1907 (II).
- Сөләйманов Н.М. Тәрки нотыкларым: мәжмугасы. Оренбург, 1911.
- Тантави М.А. Эт-таж әл-мурассаг би жәвахири Көрһан вә голум. Оренбург, 1907.
- Тарихи Болгар. Казань, 1907 // Центральная научная библиотека РГП «Ғылым ордасы». Фонд редких книг, рукописей и национальной литературы. Инв. ном. 1339.
- Тюркоглу И. Новые штрихи к творческой биографии Закира Кадыри-Угана // Tatarica. 2019. № 1 (12). С. 121–135.
- Фәхрәтдин Р. Тәнзыят. Казань, 1898 // Центральная научная библиотека РГП «Ғылым ордасы». Фонд редких книг, рукописей и национальной литературы. Инв. ном. 978.
- Фәхрәтдин Р. Әсәр. Беренче бүлек. Казань, 1900 // Центральная научная библиотека РГП «Ғылым ордасы». Фонд редких книг, рукописей и национальной литературы. Инв. ном. 974.
- Фәхрәддин Р. Асар. 3 һәм 4 томнар. Казан: Рухият, 2010.
- Шалғынбай Ж.Ж., Галиев В.З. (ред.). Казахское книжное дело в документах и материалах XIX – начала XX вв.: Сборник архивных документов. Алматы: Баспалар үйі, 2009.
- Щеглова О.П. Литографическое книгоиздание на персидском языке в Туркестане и Бухаре (1881–1918 годы). Санкт-Петербург: Нестор-История, 2011.

References

- Amirkhanov, Kh. 2010. *Tavarikh-e Bulgaria [Bulgar Chronicles]*. Translation from the Old Tatar language, introductory article and comments by A.M. Akhunova. Moscow: Marjani Publishing House.
- Aqan seri Qoramsauly. 2014. Kokshetauda Nauan molda men Khamidolla nogaj moldasy baqas bolganda, Khamidollaga Aqan serinin ajtqany // Aqan seri Qoramsauly, Ukili Ybyraj Sandybajuly, Baluan Sholaq Bajmyrzauly. *Shygarmalary [Essays]*. Almaty: Nurly Press.kz, 97–99-b.
- Barudi, G. 2004. *Kyzyljar safare*. Kazan: Iman.
- Bolgar harablary һәм boryngy bolgarlar*. 1908. Kazan'. In: Central Scientific Library of the Republican State Enterprise «Gylm Ordasy». Fund of Rare Books, Manuscripts and National Literature. Inventory number 1338.
- Bustanov, A.K. 2013. *Knizhnaja kul'tura sibirskih musul'man [Book culture of Siberian Muslims]*. Moscow: Marjani Publishing House.
- Danilov, V.L. 2008. Iz istorii izdaniya i rasprostraneniya musul'manskoj knigi v Rossii [From the history of publication and distribution of Muslim books in Russia]. In: *Vestnik Omskogo universiteta [Bulletin of Omsk University]*, 3, 127–146.
- Din va magyshat*, 1911, 8, 126.
- Fakhretdin, R. 1898. *Tanzyjmat*. Kazan. In: Central Scientific Library of the Republican State Enterprise «Gylm Ordasy». Fund of Rare Books, Manuscripts and National Literature. Inventory number 978.
- Fakhretdin, R. 1900. *Asar*. First part. Kazan. In: Central Scientific Library of the Republican State Enterprise «Gylm Ordasy». Fund of Rare Books, Manuscripts and National Literature. Inventory number 974.
- Fakhreddin, R. 2010. *Asar*. Volumes 3 and 4. Kazan: Rukhiyat.
- Galiev, V.Z. 2011. *Kniga, razbudivshaja narod: razyskanija o Myrzhakype Dulatove i o ego sbornike «Prosnis', kazah!»*. [The book that woke up the people: research about Myrzhakyp Dulatov and his collection "Wake up, Qazaq!"] Almaty: Mektep.
- Garif, N. (ed.). 2004. *Sbornik cirkuljarov i inyh rukovodjashhih rasporyazhenij po okrugu Orenburgskogo magometanskogo duhovnogo sobranija 1836–1903 godov [Collection of*

- circulars and other governing orders for the district of the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly of 1836–1903*. Kazan: Iman.
- Ike asarlare. 1907. In: *Vakyt*. 204. 2–3.
- Karimullin, A.G. 1983. *Tatarskaja kniga poreformennoj Rossii [Tatar book of post-reform Russia]*. Kazan: Tatar Book Publishing House.
- Katanov, N.F. 2004. *Vostochnaja bibliografija [Eastern bibliography]*. Kazan: Iman.
- Krachkovskij, I.Ju. 1958. Oчерки по истории русской арабистики [Essays on the history of Russian Arabic studies]. In: Krachkovskij I.Ju. *Izbrannye sochinenija [Selected works]*. Volume 5. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences.
- Krivich, N.A., Chukurov, A.Ju. 2016. Knizhnaja kul'tura: vyzovy sovremennosti [Book culture: challenges of our time]. In: *Obshhestvo. Sreda. Razvitie [Society. Wednesday. Development]*, 4. URL: https://terrahumana.ru/arhiv/16_04/16_04_18.pdf (accessed: 12.03.2021).
- Kyssje-i uaki'a-i Kerbelja oshbu dar*. 1898. Kazan.
- Makhmudov, Khozhzhat al-Khakim. 1917. Markhum Niyaz-Mokhammad afendi Solaymanov. In: *Moshavarat kalendare 1917 el ochen*. Kazan, 69–71.
- Mangar, A. 1997. *Hatiralар ham istaleklar*. Kazan: Gasyrlar avazy.
- Omskida magnasez ihtilaf. 1913. In: *Kojash*, 103, 5.
- Omskidagy ihtilafnen sabaplar. 1913. In: *Sibirija*, 136, 3.
- Qazan tarihi*. 1908. Kazan. In: Central Scientific Library of the Republican State Enterprise «Gylm Ordasy». Fund of Rare Books, Manuscripts and National Literature. Inventory number 1337.
- Sadya afendi*. 1909. St. Petersburg.
- Shalgynbaj, Zh.Zh., Galiev, V.Z. (ed.). 2009. *Kazahskoe knizhnoe delo v dokumentah i materialah XIX – nachala XX vekov: Sbornik arhivnyh dokumentov [Qazaq book business in documents and materials of the 19th – early 20th centuries: Collection of archival documents]*. Almaty: Baspalar uji.
- Shcheglova, O.P. 2011. *Litograficheskoe knigoizdanie na persidskom jazyke v Turkestane i Buhare (1881–1918 gody) [Lithographic book publishing in Persian in Turkestan and Bukhara (1881–1918)]*. St. Petersburg: Nestor-History.
- Solajmanov, N.M. 1905. Unzhidenche oktjabr' manifest galijasy manasibatela va magrifchi jashlare [hatabym]. In: *Qazan mohbire*, 16, 4.
- Solajmanov, N.M. 1906. Kichmesh illa hazer. In: *Olfat*, 9, 4.
- Solajmanov, N.M. 1907 (I). *Maktublarem*. Orenburg.
- Solajmanov, N.M. 1907 (II). *Sharki rus maktublare*. Orenburg.
- Solajmanov, N.M. 1911. *Torki notyklarym: mazhmugasy*. Orenburg.
- Tantavi, M.A. 1907. *At-tazh al-murassag bi zhavahiri Koran va golum*. Orenburg.
- Tarihi Bolgar [The History of Bolghar]*. 1907. Kazan, In: Central Scientific Library of the Republican State Enterprise «Gylm Ordasy». Fund of Rare Books, Manuscripts and National Literature. Inventory number 1339.
- Turkoglu, I. 2019. Novye shtrihi k tvorcheskoy biografii Zakira Kadyri-Ugana [New touches to the creative biography of Zakir Kadiri-Ugan]. In: *Tatarica*, 1 (12), 121–135.
- Zhanibekov, Zh. 1908. *Ajna*. Kazan: Sharaf.
- Zhumbaq va makallere*. 1908. Kazan.

Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest / Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді / Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the article / Мақала туралы ақпарат / Информация о статье

Entered the editorial office / Редакцияға түсті / Поступила в редакцию: 20.02.2023

Approved by reviewers / Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами: 20.04.2023

Accepted for publication / Жариялауға қабылданды / Принята к публикации: 01.06.2023

